

Продолжение не следует

Анна Наринская о «Доме на Озерной» Андрея Геласимова

УТВЕРЖДЕНИЕ, что сериалы — это современные книги, стало в последнее время не только общеизвестным, но и практически неоспариваемым.

Договариваться здесь остается только уже о тонкостях — скажем, что «House M.D.» — это сборник рассказов наподобие конан-дойлевских (которыми, кстати, хаузовские создатели и вдохновлялись), а вот «Mad Men» все же скорее роман вроде «Американской трагедии» Теодора Драйзера.

С тем же, что книги — это современные сериалы, дела обстоят не столь очевидно, хотя новый роман Андрея Геласимова «Дом на Озерной» свидетельствует, что кое-что в этом направлении уже делается.

Интрига построена вокруг традиционного отечественного вопроса — квартирного. Мелкий предприниматель Дима Седов убеждает своих сестер — Марию, Тамару и Валентину, каждая из которых по разным причинам не удовлетворена жилищными условиями, заложить имеющуюся у них площадь, чтобы он, Дима, смог поехать в Китай, проверить там выгодную сделку с компьютерами, а на вырученные деньги все заживут в улучшенных условиях долго и счастливо.

PHOTOXPRESS

Дима, как и следовало ожидать, в назначенное время из Китая не возвращается, пропав бесследно с общими деньгами. Попытки родственников вернуть его, а также пропавшие сбережения и квадратные метры и составляют повествование, по ходу которого выясняется также множество интересных и многообещающих вещей.

Выясняется, например, что до того, как сестра по имени Мария вышла замуж за своего мужа, врача-терапевта Тетерина, у него был роман с сестрой Валентиной и что Валентина с горя убежала из дома, выйдя от отчаянья замуж за военного таджикской национальности Муродали Мирзоева. Выясняется также, что у сестры Тамары и ее мужа Степана имеется сын-подросток Юрка, принадлежащий к некоей организации вроде скинхедов, которая занимается тем, что расчищает город от инородцев, в основном как раз таджиков. Еще выясняется,

что маленькая дочь Валентины и Муродали Гуля, она совсем не их дочь, а удочеренная девочка, мать которой вернулась.

На этом фоне попытки суицида юной дочки Марии и Тетерина Женьки, тайные походы в казино сестры Тамары и маразм Ивана Александровича, который делает денежные зачатки и тут же о них забывает, чтобы другие действующие лица могли в нужный автору момент на них наткнуться, кажутся просто виньетками, украшающими узор переплетающихся сюжетных линий.

И казалось бы, все прекрасно — абсолютно плоские, ходульные характеры персонажей и их ватный язык не только не портят, но и скорее украшают замысел, а добродушные рассуждения автора, считающего все же необходимым объяснить по поводу того, что все это не всерьез («Многое скрыто от нашего начального понимания, и плоды радости, которые вкушает человек, зачастую имеют привкус боли, горечи и разочарований»), хоть и тормозят повествование, но зато полируют ту самую душевную интонацию.

Разочаровывает «Дом на Озерной» лишь в одном отношении, зато в принципиальном. Множество этих так бойко и даже с помпой заявленных сюжетных линий в дальнейшем как-то скомканы, брошены на полпути, размыты. Для сериала такое про-

сто губительно. Скажем, мы знаем, что у мужа сестры Марии Тетерина некогда был роман с сестрой Валентиной. И вот она заболевает, а он приходит ее лечить: «Тетерин взял себя в руки и уверенно поднял футболку на стройной, знакомой ему спине». А дальше — ничего, то есть бессмысленный разговор какой-то и до свиданья. Нет, в хорошем сериале так с нами бы не поступили.

Или вот приезжает за маленькой Гулей ее настоящая мать Мархамат. И сестра Валентина, воспитывавшая девочку с рождения, только пристально смотрит на ребенка и говорит: «У всех детей бывает мама... А у тебя целых две... Это же хорошо, правда? Две мамы лучше одной». Этого даже для двухсерийной психологической драмы маловато.

А Женькины переживания по поводу лишнего веса, доведшие ее чуть ли не до самоубийства, рассыпаются (в отличие от собственно веса) сами собой, а юный националист Юрка на удивление быстро перевоспитывается, а Тамарино увлечение игровыми автоматами как начинается, так и проходит.

В общем, недоработано. Может, потому, что одного автора для такого недостаточно. Ведь обычно над сериалами трудятся целые группы сценаристов.

М.: Эксмо, 2009

Выбор Лизы Биргер

КРОВЬ ЦВЕТОВ

АНИТА АМИРЕЗВАНИ

СПБ.: АЗБУКА-КЛАССИКА, 2009

Анита Амирезвани выросла в Иране, в 16 лет уехала в Америку, была ведущим балетным критиком Сан-Франциско, а в 46 написала первый роман — о средневековом Иране. Все это может напомнить нам историю превращения врача Халеда Хоссейни в самого продаваемого современного писателя, к тому же книга Амирезвани тоже стала бестселлером, номинировалась на «женскую» премию Orange и переведена на 26 языков. Но, в отличие от Хоссейни, здесь совсем нет ни социальности, ни современности, а

есть только красивая восточная сказка. Отец главной героини, Азизам, умирает, когда ей исполняется 14, и, чтобы выжить, она с матерью переезжает из деревни в столицу Исфахан в содержание к дялюшке-ковроделу. В Исфахане ее заставляют прислуживать на кухне, а потом и вовсе продают во временный брак алчному до удовольствий богателу. Труды героини разделены между спальней мужа и ковроделом, где она учится ткать ковры. Для пестроты восточного базара роману всего

хватает: шах, гарем, хаммам, несчастная любовь, подробные описания одежды и трапез и сказки, которые рассказывает героине ее мать. В Амирезвани действительно есть что-то от Хоссейни: как и экс-афганец, она пытается «продать» бывшую Родину, показав ее с наиболее привлекательной стороны. У Хоссейни такой силой становятся люди, дружба или семья. А у Амирезвани — восточная экзотика, очаровывавшая западного читателя еще в XIX веке. Если бы ее роман был написан лет 200 назад, он

отличался бы только густотой эротических сцен: скромная юная героиня скорее бы рассказывала своему временному мужу сказки, чем ублажала бы в постели и заставляла ползать за ней по спальне, срывая с нее зубами одежду. Здесь же есть и сказки, и эротика, и восточный колорит, и даже история обретения независимости угнетенной женщиной Востока. Для серьезного разговора о разности культур маловато, но для чтения более чем хватит.

МОСКИТ

РОМА ТИРН

М.: PHANTOM-PRESS, 2009

В 10 ЛЕТ Рома Тирн переехала из Шри-Ланки в Англию, получила художественное образование и 20 лет была художником-перформансистом, прежде чем созрела для книги. Ее роман «Москит» вошел в шорт-лист престижной премии Costa как лучший дебют и сделал Рому Тирн скорее писательницей, чем художницей. Сейчас она живет в Лондоне, но пишет неизменно о Шри-Ланке, и потому и там и там считается «своей». Шри-Ланка Ромы Тирн — это череда бесконечных столкновений

насилия и красоты. Теплый свет китайских фонариков, запах франджипани, что бы это ни было, закатный ужин на веранде, поданный на подносе с позолотой и с белоснежной салфеткой, открывают роман, и тут же возникает история о том, как в отца главной героини бросили бомбу, и тот бежал с криками по главной улице деревни и горел, и никто ему не помог. 1996 год, на веранде сидит писатель Тео, успешный в Англии, но вернувшийся на Шри-Ланку из «необъяснимого упорства», к нему в гости заходит

девочка Нулани, начинающий художник. За 10 лет, в течение которых разворачивается действие романа, Нулани вырастет в большого художника, пестуемого британской прессой, половину действующих лиц переубивают с особой жестокостью, а писатель Тео, даже в плену, будет чувствовать «ослепительность и нестерпимость самой жизни». Эта проза насыщена красками, цветами и невероятно аппетитна, вкус еды здесь чувствуется, даже если речь о простой рыбе с чили и стакане лаймового сока. И на этом фоне

почти буднично звучит «моего отца, кстати, тоже сожгли, облив бензином». Это повествование не назовешь легким, как и непосредственное соседство трагедии и красоты, ужасов истории и курортной расслабленности. Но именно это нервное соседство позволяет постигнуть, «что жизнь в этом раю в равной мере прекрасна и гибельна — подобно изысканному и смертельному москиту».